

В 1902

355 589

Ванда Василевская

Пытки и смерть,
надругательства и
насилие - вот что несут
ГИТЛЕРОВЦЫ

355589

42

ВАНДА ВАСИЛЕВСКАЯ

5 1909

Литература
ИХИ

**ПЫТКИ И СМЕРТЬ,
НАДРУГАТЕЛЬСТВА И НАСИЛИЕ—
ВОТ ЧТО НЕСУТ ГИТЛЕРОВЦЫ**

ОГИЗ

1941

САРОБЛГИЗ

Саратов

ПЫТКИ И СМЕРТЬ, НАДРУГАТЕЛЬСТВА И НАСИЛИЕ—ВОТ ЧТО НЕСУТ ГИТЛЕРОВЦЫ

В течение почти двух лет, начиная с сентября 1939 года, области Западной Украины развивались и хозяйственно крепились быстрыми темпами. В пять раз увеличилось количество школ и научных учреждений. Возникли новые фабрики, а в ранее существовавших удесятилось число рабочих. Открылись новые больницы, амбулатории, детские ясли. Сеть библиотек охватила города и села. В деревне начали работать машинно-тракторные станции, на полях появились машины. Большими шагами двинулось вперед сельское хозяйство. Огромные капиталовложения были затрачены на развитие городов и сел. Жизнь входила в норму, еще быстрее шла вперед.

22 июня 1941 г. загрели выстрелы вдоль границы СССР, на Сане и Буге. Мрак ночи окутывал землю. Фашистско-немецкие самолеты громом бомб, сбрасываемых на города, оповестили начало войны.

Подвергшиеся вероломному нападению, отряды пограничников и Красной Армии отходили, оказывая героическое сопротивление. На земли Западной Украины начала вторгаться германская армия.

23 июня пришли первые вести о том, как ведет себя гитлеровская армия на занятых землях.

С началом войны из пограничных местечек начали поспешно эвакуироваться женщины и дети. За Равой-Русской германский отряд перерезал дорогу. Грузовик, везший около 20 женщин с детьми, был задержан. Винтовочными выстрелами гитлеровцы расправлялись с матерями. Детей закололи штыками. Никто не остался в живых.

Проходя через села, гитлеровцы тщательно расспрашивали о колхозах. Колхозников вешали на месте. Придорожные деревья в Львовской и Дрогобычской областях послужили виселицами для десятков людей.

Началось массовое бегство населения, видевшего, что ему угрожает нечто более страшное, чем смерть: мучения, пытки, надругательства.

Двинулись поезда, по дорогам помчались грузовики, все проселочные пути заполнили люди, уходившие пешком, без вещей, без всего на восток.

Германские самолеты немедленно начали действовать. Посыпались бомбы на эвакуационные поезда. 24 июня под самым Львовом в поезде, где находились исключительно женщины и дети, германские бомбардировщики разбили два вагона, уложив наповал свыше сотни женщин и детей. Летчики спускались низко над дорогами, скашивая огнем пулеметов десятки людей. У местечка Бобрка, под Бережанами, возле Золочева, дорога покрылась кровью. Летчики стреляли, ясно видя, что их пули попадали в небооруженных людей, среди которых преобладали женщины и дети.

Бомбардировка происходила днем и ночью. Гитлеровские летчики сеяли смерть и разрушение. Они и не думали сбрасывать бомбы на объекты, имеющие военное значение. Первая крупная бомба во Львове упала в центре города, в районе, не имеющем никаких фабрик или военных учреждений, на пассаж Миколаша. В пассаже, где помещалось много магазинов и складов, как всегда в полуденную пору, царило оживленное движение. Пассаж рухнул, погребая под обломками свыше 70 жертв.

30 июня гитлеровские отряды вступили во Львов.

1 июля была устроена резня под лозунгом: «Бей евреев и поляков!».

Начался страшный погром. Гитлеровцы убивали людей на улицах, разбивали им черепа железными ломami и прикладами ружей, стреляли в животы, выбрасывали на мостовую из окон домов. Около 400 человек пало жертвами первого дня погрома. Раненых, окровавленных людей гнали по улицам под дикие крики и издевательства громил. Падающих добивали прикладами, топтали сапогами.

На второй день была устроена выставка убитых в пассаже Гаусмана. Рядами у стен домов лежали изуродованные трупы. Среди них преобладали женщины. Страшную «выставку» открыл труп молодой женщины с ребенком, проколотой в грудь штыком. Штык, пригвоздивший ребенка к матери, торчал в раме.

Но «выставка» произвела совершенно не то впечатление, на какое рассчитывали гитлеровцы. Она не разбудила низких инстинктов, а, наоборот, вызвала ненависть к немецко-фашистским мерзавцам.

Город начал бурлить. Немецкие власти переполошились. На четвертый день пребывания гитлеровцев во Львове погромы были запрещены. Это, конечно, не означало фактического их прекращения: окончились массовые расправы на улицах и начинались расправы более утонченными методами: людей убивали, истязали в помещениях, исподтишка.

Во Львове появилось гестапо. Начались плановые аресты. Они охватывали в первую очередь интеллигенцию, а затем всех тех, кто активно работал в городе: передовых рабочих фабрик, работников военных учреждений, коммунальных предприятий и вообще всех проявивших себя политически.

Людей арестовывали днем и ночью. Очевидец Мартыненко говорит: «Днем и ночью я видел, как грузовики, переполненные окровавленными, избитыми людьми, ехали в направлении к Винникской Рогатке. Там были мужчины, женщины и даже дети». Грузовики направлялись к лесу под селением Винники, в нескольких километрах от Львова. В Винникском лесу происходили массовые казни: людей расстреливали целыми сотнями. За 4 недели расправ гестапо с населением во Львове погибло 6 тысяч жителей.

На третью неделю гитлеровского правления во Львове был арестован, а позднее и расстрелян бывший польский премьер, выдающийся ученый, профессор Политехнического института Казимир Бартель. Бартель был в Польше человеком необычайной популярности благодаря своим научным заслугам, политическому уму и прежде всего — кристальному характеру. С сентября 1939 г. Бартель политической деятельностью не занимался и работал в Политехническом институте преподавателем.

Вместе с Бартелем расстреляли еще 16 представителей польской науки — профессоров Львовского университета, Медицинского и Политехнического институтов.

Из-за погромов, арестов, массовых убийств ужас об'ял город. Женщины вообще перестали показываться

на улицах. Гитлеровцы, не считаясь ни с кем и ни с чем, нападали на девушек, насиловали их на улице, стреляя в тех, кто встал на их защиту. Фашисты насиловали 13- и 14-летних девочек, цинично, открыто, на глазах у родителей.

Немедленно начались и грабежи. Всем, что было в магазинах, советская власть перед уходом из города старалась снабдить население. Поэтому в магазинах и складах запасов почти не осталось. Гитлеровцы начали грабить квартиры, забирали все—продукты, деньги, ценности, одежду, постель. Людей, защищавших свое имущество, безжалостно избивали и калечили.

Во Львове был разрушен памятник Мицкевичу. Тот самый памятник, который был для Львова дорогим историческим воспоминанием. Тот памятник, под которым некогда был сожжен портрет царя. Тот самый памятник под которым зимой 1941 г., в дни юбилея гениального польского поэта, праздновавшегося торжественно по всему Советскому Союзу, были возложены венки от представителей польского, украинского, русского народов.

Гибель и смерть, уничтожение культуры, ужас и страх—вот что принесли гитлеровцы городу.

Тем, которых не поразили ни пули, ни ужасные пытки, грозит голодная смерть. Прежде ежедневно из восточных областей Украины приходили целые поезда с товарами, продовольствием, насыщая рынок. Население города было обеспечено. С момента же вторжения немцев перед Львовом встал призрак голодной смерти.

Норберт Бучек, поляк из Кракова, забранный в германскую армию и в первый же день своего пребывания на фронте сдавшийся в плен частям Красной Армии, пишет:

«Некоторое время я был вместе с отрядом, с которым меня забрали во Львове. Львов сегодня—это большое кладбище. Он расхищен и разграблен целиком. Тысячи людей, почти вся передовая интеллигенция, погибли страшной смертью. Десятки тысяч жителей Львова вывезены в глубь Германии—неизвестно куда, на работу, или в концлагери».

Во Львове находился цвет польской интеллигенции.

Тут были известный Политехнический институт, университет. После сентября 1939 г. здесь очутились все те, кому удалось бежать из занятой немцами Польши. Здесь оказались крупнейшие профессора, в том числе много европейских знаменитостей, сюда попали писатели, инженеры, актеры, врачи, чьи имена знала вся Польша. И с этой интеллигенцией начали в первую очередь расправляться коричневые убийцы, превосходя своей жестокостью кровавые преступления в Кракове, Варшаве, Познани.

Замерла культурная жизнь, бурно развивавшаяся в городе. Уничтожены и сожжены библиотеки, разгромлены лаборатории научных учреждений, перестали работать 4 театра Львова. С наступлением учебного года школы не открылись. Крестьянке одного из сел под Львовом, обратившейся с вопросом о школе, цинично ответили:

— А твоему ребенку для чего нужна школа? В конце концов, если откроются школы, то это будут наши школы, и в них придут наши учителя...

Террор разливается широкой волной по всей Западной Украине.

В Бориславе—в рабочем центре—тысячи людей погибли от пуль, тысячи были вывезены в Германию. В Дрогобыче, Тарнополе, Станиславе, Ровно, Кременце происходили погромы. Тюрмы переполнились. Пригородные роци пропитались кровью казненных.

Массовые казни происходят также в селах. Села разграблены дочиста. Немцы грузят на свои машины не только зерно, сало, птицу, скот, но—перины, подушки, сапоги, тулупы, различную одежду. Грабеж происходит либо совершенно открыто, либо под видом так называемых «закупок». «Закупка» совершалась таким образом: за корову платили издевательскую «цену»—три с половиной рубля. Вдобавок ко всему и эта сумма иногда вносилась не деньгами, а квитанциями, подлежащими оплате «после войны».

Немцы вторглись на земли Западной Украины несколькими колоннами, стараясь отрезать определенные местности, чтобы не дать возможности уйти населению и работающим среди него коммунистам. Каждого подо-

зреваемого в принадлежности к коммунистической партии расстреливают на месте после предварительных пыток. Повсеместно в городах и селах производятся обыски и допросы, чтобы обнаружить коммунистов. Следствие совершается по методам средневековой инквизиции. Допрашиваемым пробивают ладони и ступни штыками, людей пытаются каленым железом, выкалывают глаза, женщинам отрезают груди.

Замучено, убито, исчезло много людей. Кровь стынет от злодеяний фашистских убийц.

Я сама оставляла Львов и земли Западной Украины в последний момент, когда уже все было охвачено огнем войны. Уже тогда было видно, что эта война убийственная, безжалостная и что разъяренные гитлеровцы в пылу бешенства превосходят самих себя по жестокости. Я видела, как пылают фабрики, недавно построенные, дававшие работу тысячам людей, как гиб хлеб в поле, затапываемый тысячами ног, как рушились дома, погребая под собой десятки жертв, как от ужаса люди бегут с земель, захватываемых немцами.

Гитлеровцы сеют ужас и смерть. Потрясающее впечатление производил на меня вид крестьян, оставлявших свои дома и землю. Крестьянин органически сросся с землей, привязан к своей усадьбе, к хозяйству, к корове, к коню. По дороге к Проскурову, к первому городу на старой советской границе, шли толпы крестьян. Они не успели с собой взять ничего. Уходили без куска хлеба, даже без узелка, в котором была бы хотя частичка имущества. Поспешно шагая, они шли без отдыха, устремляясь к земле Советского Союза, оставляли за собой горящие дома, растоптанные поля, движимое имущество.

В захваченные деревни уже через пару дней солдафонской разнузданности прибыло гестапо. Начался террор систематический и организованный. Гестапо производит аресты, массовые казни. Затем создаются органы власти, которой надлежит хозяйничать на местах. При этом гитлеровцы широко пользуются услугами преступного элемента. Люди, отбывавшие тюремное наказание за бандитизм, кражи, взломы, убийства, заполучили в

7-10
свои руки власть и стали хозяевами жизни и смерти населения. Теперь под охраной немецких штыков они удовлетворяют свои инстинкты убийц: грабят, мародерствуют, убивают.

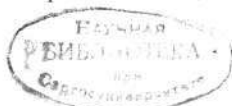
Разоренные, опустошенные земли Западной Украины превращаются в кладбища. Бомбы и пожары начали дело уничтожения, германская армия развила его дальше, а гестапо завершило окончательно.

С каждым днем приходят все более мрачные вести. Наряду с евреями немцы целиком уничтожают на этих землях и польское население. Для этого расстреливают каждого десятого интеллигента, для этого истребляют рабочих, для этого жгут и разрушают польские села возле Тарнополя и Львова.

Одновременно падает жертвой и украинское население, гибнут города, гибнут села.

Как крест над могилой, распростерлась свастика над землей Западной Украины. Но, невзирая на террор, несмотря на неслыханное угнетение, гитлеровцам не удалось сломить людей, превратить их в подлецов. Факты саботажа, покушения на гитлеровских убийц совершаются все чаще и на Западной Украине. И там возникают все новые и новые партизанские отряды, борющиеся с захватчиком.

Истерзанная, угнетенная кровавыми немецкими захватчиками, истощенная кровью и слезами Западная Украина с несокрушимой верой ждет дня своего освобождения.

355589

Отв. за выпуск И. Фомин

Подписано к печати 16-IX 1941 г. НГ8476.
Учет.-изд. л. 0,4. Печ. л. 1/2. Тираж 25000.
Цена 5 коп.

Набрано в типографии изд-ва „Коммунист“. Заказ № 2653.
Отпечатано и сброшюровано в типографии Облместпрома.
Заказ № 5380.

